

Михаил
СЕРЕГИН

ПУТАНА:

девушка
без тормозов

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Путана

Михаил Серегин

Девушка без тормозов

«Научная книга»

Серегин М. Г.

Девушка без тормозов / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
— (Путана)

Вся штука в том, успеет ли остановиться электричка. Она останавливается. Сейчас, сейчас откроется дверь, и народ хлынет на платформу. Она останавливается и все никак не остановится, а в другом конце вагона уже идет проверка – ищут преступницу Елену Гуляеву. Она в ярко-желтом платье, в сумочке у нее пистолет, а за спиной – квартира, в которой лежит убитый из этого пистолета человек. Она не знает, кто его убил. Ей надо в этом разобраться. Но если электричка не остановится через секунду...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Михаил Серегин

Девушка без тормозов

Глава 1

«Бежать! Сейчас же! Только бежать!» – единственная мысль пробилась в мое сознание сквозь нестерпимую головную боль.

Минут пять назад я очнулась, сидя в каком-то кресле. Открыв глаза, я уперлась взглядом в стену и никак не могла сообразить, что это за стена и почему узор на обоях мне так знаком. Обои мне очень понравились, я даже где-то их уже видела, но никак не могла сообразить: где? Мешала очень сильная головная боль. Я дотронулась до затылка левой рукой и застонала. Невозможно было вытерпеть даже легкого прикосновения пальцев. О господи, ну почему же голова болит так ужасно?

Я оглянулась и чуть не открыла рот от удивления. Да это же моя собственная квартира! Вот черт, как я сразу-то не узнала – эти красивые обои я сама покупала месяц назад и наклеивала сама... Но почему же голова так болит? И ноги какие-то ватные, и руки плохо слушаются... Это что – похмелье? Но, кроме сухого вина, я никогда ничего не пью! Откуда же взяться похмелью? Я попыталась сообразить, что произошло со мной вчера, но не смогла даже вспомнить сразу, где я была. Головная боль пульсирующими толчками была в затылок и не давала сосредоточиться. Я серьезно забеспокоилась. Неужели что-то случилось с памятью? И я теперь вообще ничего не помню?

Закрыв глаза, я попыталась забыть про боль в затылке и вспомнить хоть что-нибудь... Например, сколько мне лет? Ответ возник в голове без всякого усилия с моей стороны. Двадцать два. И я нисколько не засомневалась, что так оно и есть. Уже неплохо. Так... Что я помню еще? Ах, да! Зовут меня Лена, фамилия – Гуляева. Это точно. Город, в котором я сейчас нахожусь, – Арбатов. В этом я тоже уверена. Я живу в нем с самого рождения... Впрочем, совсем недавно я, кажется, куда-то ездила... Наверное, в Москву... У меня там были какие-то дела... А вдруг я все еще в Москве? Я тревожно оглянулась еще раз. Квартира моя – точно. Но если это моя квартира, значит, я уже вернулась? Так, с этим разобрались... Фамилия, имя, возраст... Что еще? Национальность? Вроде бы всегда была русская. Пол?.. Стоп, стоп, стоп!.. Я что, совсем с ума сошла? Наверное, это все же боль в затылке. Иначе я не задала бы себе такой идиотский вопрос.

Я попыталась потрогать затылок правой рукой, но она показалась мне что-то слишком тяжелой. Кажется, я в ней что-то держу... Подняв правую руку до уровня лица, я открыла глаза. Что такое? Наверное, я и вправду сошла с ума! Я держала перед глазами пистолет неизвестной мне марки. Впрочем, мне ни одна марка пистолета не известна. Я «наган» от «парабеллума» отличить не сумею. И вообще, пистолет я сейчас первый раз в руках держу и сама никак не могу в это поверить. Тяжелый!.. Интересно, заряжен он? Откуда он взялся?

Слишком уж неожиданное начало – для человека, у которого голова от боли раскалывается. Но это значит, сообразила я все же, что и продолжение обещает быть не менее неожиданным! Что происходит, в конце концов? Пистолет – это уже серьезно!

Я резко вскочила с кресла и едва не плюхнулась обратно – затылок буквально взорвался острой болью. В глазах у меня потемнело, а в голове – зазвенело. Оглушенная болью и ослепшая, я сделала несколько неуверенных шагов на нетвердых ногах от кресла к тому месту, где у меня должна стоять кровать. Я просто мечтала о паре таблеток анальгина и подушке. Я представляла, как я бережно и осторожно уложу на подушку мою измученную неизвестно откуда

взявшей болью голову и забудусь сном в надежде проснуться без пистолета в руке и с ясной памятью.

Я остановилась, боясь споткнуться о кровать и упасть. Темнота в глазах начала понемногу рассеиваться. Но когда я получила возможность видеть, я пришла в ужас и ноги мои задрожали...

На моей кровати кто-то лежал! Этот кто-то с головой был накрыт простынкой и помалкивал. Или спал, или притворялся, что спит...

– Э-эй! – позвала я его негромко и осторожно. – Э-эй! Проснитесь!

Но он даже не пошевелился. Громче я почему-то говорить не решалась. Я взялась за край простынки и потихоньку потянула на себя, решив выяснить, кто это, и покончить со всеми сегодняшними загадками, которыми я была сыта уже по горло.

Простынка съехала, открывая голову с мокрыми слипшимися волосами, и я увидела знакомое лицо и устремленный на меня недоуменный взгляд. Я сразу успокоилась. Этого-то человека я знала достаточно хорошо. И если он лежит в моей постели, он-то мне все и объяснит.

– Что это? – спросила я его, показывая пистолет. – Что все это значит?

Но он молчал, и взгляд его не изменился. Я обошла угол кровати, глядя под ноги, чтобы не споткнуться, и вновь взглянула на него. По спине у меня пробежал холодок. Он, не мигая, все так же недоуменно продолжал смотреть... в ту точку, где я только что находилась.

Жаркая волна страха заставила меня на мгновение забыть про боль в затылке. Я схватила простыню и сдернула ее на пол. Прежде всего в глаза мне бросился торчащий прямо перед моими глазами черный полуботинок с прилипшей к нему длинной извилистой водорослью... Что за черт?... Водоросли какие-то... Я заволновалась еще больше и подняла взгляд на лежавшего на постели... То, что я увидела, вообще заставило меня на несколько секунд оцепенеть. Мужчина, лежащий на моей кровати, был мертв! В этом больше не было никаких сомнений. Он был обнажен по пояс, на его груди слева виднелось аккуратное отверстие, а постель под его спиной была пропитана кровью. И этот остановившийся взгляд! Он убит из того самого пистолета, что был в моей руке, в этом я почему-то не сомневалась ни секунды, едва поняла, что он мертв.

Я тут же резко бросила пистолет на кровать, он жег мне руку – мне показалось, что он мгновенно раскалится, словно уголь в костре...

Выходит, убила этого человека... я?! Но этого же быть не может! Зачем? И тут события вчерашнего дня всплыли в моей памяти. А вместе с ними и головная боль, которая теперь была изнутри мне в затылок, грозя просто разнести мне череп, как мне показалось... Я вспомнила все, или почти все, – кроме того, как я оказалась дома и почему на моей кровати лежит труп этого мужчины... Но как же я могла его убить? Не может быть, чтобы это сделала я!

И тут в мое сознание прокрался какой-то скептический, ироничный голос.

– Значит, убила его не ты? Ну, так попробуй, докажи это... Хотя бы себе. Пистолет-то был в руке у тебя!

Я не сразу поняла, что голос принадлежит мне самой. А поняв, с ужасом сообразила, что даже себе доказать я ничего не смогу. Я просто не помню, чем вчера закончилась эта история, так хорошо начавшаяся несколько дней назад! Я вновь с отвращением посмотрела на пистолет, брошенный мной на кровать. Просто кошмар! Мне придется доказывать, что я – не убийца!

«Бежать! Сейчас же! Только бежать!» – теперь только эта единственная мысль билась в моей пылающей нестерпимой болью голове.

Сотни людей видели меня накануне с человеком, чей труп сейчас лежит на кровати в моей квартире. Как только его исчезновение будет обнаружено, его начнут искать. А обнаружится он очень скоро, поскольку человек этот в Арбатове слишком известная личность, чтобы неожиданно пропасть, пусть даже на несколько часов рабочего времени, и не вызвать этим переполоха среди своих подчиненных. И в первую очередь они придут ко мне!

Я была просто уверена, что его уже ищут. Мало того. Я не сомневалась, что за мной с минуты на минуту явится милиция. И все будет кончено. Мне не оправдаться. К тому же я с каким-то неприятным удивлением поняла, что до конца не уверена, что не я сделала этот выстрел. Ведь у меня же есть какой-то провал в памяти, я помню не все...

Стоило только мне это понять, как всю мою растерянность как рукой сняло. Губить свою жизнь так глупо? Да ни за что! Она у меня всего одна... Если бы мне еще вчера кто-то сказал, что собраться в дорогу можно за тридцать секунд, я бы просто посмеялась над этим человеком. Но мне на сборы хватило именно полминуты. Ровно через тридцать секунд я захлопнула за собой дверь своей квартиры, чтобы больше никогда уже в нее не вернуться. Я даже ключи не взяла, забыла о них.

За эти тридцать секунд я нашла свою сумочку, сунула в нее паспорт, пятьсот долларов – все деньги, которые я сумела за последние дни заработать, – и... пистолет, который я, сама не знаю почему, подхватила с кровати.

Едва я выбежала из подъезда и свернула за ближайший угол, как услышала милицейскую сирену и визг тормозов у своего дома. Я остановилась и прижалась спиной к стене, чтобы перевести дыхание. Ноги подкашивались от страха.

За мной уже приехали! Хотя я и не понимаю, каким образом милиция так быстро смогла узнать, что именно в моей квартире лежит труп человека, который буквально накануне объявил о своем намерении стать губернатором Арбатовской области, победив на приближающихся скоро выборах? Да откуда они вообще знают, что он убит? Может быть, его убил все же кто-то другой? А меня вместо себя подставил? Но как я смогу это доказать, если я и сама сомневаюсь, убивала я этого человека или нет?

Господи, ну почему все хорошее, что со мной случается, никогда не доходит до конца? Почему из всего, что начинается хорошо, обязательно получается какая-то гадость? А ведь действительно, так сначала все хорошо шло!.. Началось все с того, что я решила завязать со своим ремеслом, занялась которым когда-то от полной безысходности, столь неожиданно обрушившейся на меня, тогда еще глупую и самоуверенную девчонку. Проституткой я стала потому, что ничего другого не могла придумать, чтобы решить свои денежные проблемы, ну и еще, пожалуй, оттого, что чувствовала себя совершенно одинокой и никому не нужной. А когда мужчины платят деньги только за то, чтобы пообщаться с тобой, и немного забываешь о своей ненужности. Пусть это общение и происходит большей частью в постели...

Но очень скоро я поняла, что нашла не лучший выход из ситуации. Я просто пошла по пути наименьшего сопротивления, может быть, еще и потому, что безупречная фигура и весьма незаурядная внешность провоцировали меня на это. Я твердо решила завязать и не выходить больше в вечерние рейды по ресторанам в поимках богатого клиента. Мало-помалу само это занятие стало вызывать у меня отвращение, я стала вялой в общении с клиентами, и те все чаще стали срываться с крючка.

Надо было срочно переквалифицироваться и найти себе хоть какую-то работу. Потому что в последнее время в связи с моим вялым настроением дела мои шли все хуже и хуже. Я дотянула до того, что все мои запасы и сбережения, которые я пыталась собрать, закончились, и на горизонте замаячила угроза голодной смерти...

Впрочем, это я так шучу, никогда бы я не позволила себе умереть с голоду. Но и возвращаться к активным занятиям тем делом, с которым я уже практически рассталась, мне тоже не хотелось. Нужно было устраиваться куда-то на работу.

Но сейчас это легче захотеть, чем сделать. Особенно в нашем Арбатове, городе с традиционно высоким уровнем безработицы, как и везде в провинции... Люди у нас привыкли работать на одном и том же месте десятилетиями, вакантные места появляются редко...

– Девушка, вам помощь не нужна? – меня вернул к действительности искренне встревоженный голос пожилой женщины, смотревшей на меня внимательно и обеспокоенно... Выглядела я, наверное, ужасно, раз мне уже помощь начали предлагать.

– Нет... Все в порядке... Спасибо... – пробормотала я и торопливо пошла к ближайшей автобусной остановке.

Уже трясаясь на автобусе, идущем на вокзал, я сообразила, что мне не дадут выехать из города. Если милиция побывала у меня дома, а она наверняка там побывала, меня уже ждут – и в аэропорту, и на железнодорожном вокзале, и на речном, и на автовокзале... Я все же иногда читала детективы и фильмы смотрела. Представление о том, как в таких случаях действует милиция или полиция, у меня было. Они всегда действуют одинаково и, без всякого сомнения, уже перекрыли выезды из города. И, уж конечно, на постах ГАИ проверяют машины, покидающие город. Меня ищут. Значит, на то, чтобы выбраться из Арбата на попутной машине, мне тоже не стоит рассчитывать?

Я буквально выскочила из автобуса на следующей остановке. Потому, что до вокзала «Арбат-1» оставалось всего ничего. Что же делать? Сдаваться? Ну уж нет! Самой лезть в петлю, которую для меня заботливо приготовили, я не собираюсь! Я все же двадцать два года прожила в Арбате и знаю этот город достаточно хорошо, чтобы сообразить, как покинуть его незаметно.

Я пересела на автобус, идущий в пригород. В этом направлении ехали, пожалуй, только дачники, потому что никакой более или менее крупной автотрассы с этой окраины города не выходило. Доехав до конечной, я вылезла из автобуса вместе с дачным народом, увешанным сумками, ведрами и корзинками, и огляделась. Народ расплзался во все стороны по своим участкам, меня же интересовало только одно направление – прочь из города.

Дорога, как я и предполагала, в дачном поселке не заканчивалась, она шла куда-то дальше – старенькая, с выбитым асфальтом, пыльная и грязная. По ней я и пошла – неизвестно куда. А что делать? Не торчать же на остановке в ожидании попутки, привлекая внимание любопытных глаз, которых везде немало. Минут через двадцать я уже вышла за пределы дачного поселка, и по обеим сторонам дороги потянулись какие-то овощные плантации, я даже не посмотрела, что там на них росло, до того моя голова была занята событиями сегодняшнего дня.

Попутка догнала меня еще минут через десять. Услышав сзади шум мотора, я встала на обочине и так отчаянно замахала обеими руками, что не остановиться мог бы разве что робот. Я облегченно вздохнула, перспектива часами шагать по дороге, ведущей неизвестно куда, приводила меня в ужас. Машина, это был какой-то самосвал, затормозила, и я мгновенно оказалась на подножке.

– Не подбросите? – спросила я, втиснув голову в открытое окно и наугад показывая рукой вперед, совершенно без всякого представления, что там находится, да и есть ли вообще хоть что-нибудь.

– Тебе на «Центральную», что ль? – спросил пожилой дядька-водитель.

– Да, на центральную, – тут же подтвердила я, никакого понятия не имея, что это могло бы означать, и довольная уже тем, что есть хоть какое-то место в конце этой дороги, куда можно приехать.

– Садись, девка, повезло тебе. Я как раз туда. А то пешком тебе еще часа три топать... – Он открыл дверцу и, подождав, когда я усядусь, спросил: – По делам едешь или к родственникам?

– По делам, – ответила я, зная, что сейчас последует новый вопрос, и соображая, что бы такое соврать побезопаснее. – На практику.

– Это откуда же? С сельскохозяйственного, что ль? – продолжал интересоваться мной заскучавший, видно, в дороге дядька.

– Нет, с медицинского. В медпункт, медсестрой работать буду...

Я очень надеялась, что более подробных расспросов не последует, потому что я просто не знала, что еще можно сказать. Но пожилой водитель уже удовлетворил свое дорожное любопытство.

– Это дело хорошее, – одобрил он мою «легенду». – А то у нас там одна Алексевна на весь поселок. Не успевает одна-то...

Он уткнулся взглядом вперед и больше меня расспросами не беспокоил... Мы оба погрузились в молчание.

«Куда я еду? – думала я. – Как я буду выбираться из этой дыры? Незнакомый человек в поселке, где все друг друга знают, обязательно вызовет всеобщее любопытство. Да еще с этим медпунктом я придумала какую-то ерунду... Мне нужно будет выбраться оттуда как можно скорее. Но как? Дядьку, что ли, этого расспросить? Нельзя. Это вызовет у него подозрение... Ладно, надо сначала добраться туда, а потом уже думать. Хорошо, хоть там меня наверняка арбатовские менты искать не будут... И как меня только угораздило вляпаться во все это?..»

Глава 2

...А все началось, как я уже говорила, с поисков работы. Я вспомнила, как сидела утром на той самой кровати, где сегодня обнаружила труп, и изучала объявления о приеме на работу...

Я прикрыла глаза и попыталась поподробнее вспомнить то утро...

– Неужели я хорошо смотрюсь только на панели, а в остальном гожусь лишь на то, чтобы стоять за лотком и торговать какими-нибудь носками или растаявшим на жаре мороженым? – Я посмотрела на свое никогда не унывающее отражение в зеркале, и оно совершенно отчетливо убедило меня в обратном. – Ну, нет, это скучно. Я и одной смены не протяну – бесплатно раздаю носки прохожим или съем все мороженое...

Говоря себе это, я была убеждена, что очень недалеко от истины. Из зеркала на меня смотрело живое, подвижное, жизнерадостное лицо, принадлежащее женщине, явно склонной к авантюризму и интригам. А какой, скажите на милость, авантюризм в торговле носками? И в какие интриги можно втянуть покупателей мороженого?

Я вздохнула и принялась в который уже раз изучать рубрику «Требуется» в газете «Кто? Куда?», самой популярной в моем Арбатове газеты среди изданий, печатающих объявления о приеме на работу.

Дела, как я уже говорила, у меня в последнее время шли далеко не блестяще. Нужно было срочно поправлять свое материальное положение. А для этого – устраиваться на работу. Причем не имея особого выбора. А что делать? Практический опыт работы – ну, вы уже в курсе, что он весьма специфический... Образование – незаконченное высшее, психологическое, то есть по сегодняшней жизни – самое непрактичное... Специальности – никакой, кроме курсов секретарей-машинисток, оконченных мною когда-то в непроглядной древности – года три назад. Но машинистки сейчас получают столько, что едва я узнала об этом, как профессия машинистки просто перестала для меня существовать. Да и потом – не могу я долго сидеть на одном месте. ...Например, когда мне нужно набрать какой-нибудь текст на компьютере, я уже через полчаса начинаю люто ненавидеть клавиатуру, а сама становлюсь скучной и съезженной, словно проколотый воздушный шарик.

Единственное, на что я надеялась, – объявления в газете «Кто? Куда?». Да что там лукавить, я была просто уверена, что мне, как всегда, повезет и судьба не заставит меня пополнить ряды лоточниц. Однако содержание рубрики «Требуется» меня разочаровало. Оно поражало своим однообразием и просто убивало безнадежностью. Внимательно перечитав ее раза три, я впала в тихую панику. Жизнь казалась мне прожитой неудачно и законченной, потому что никаких перспектив для себя я не видела.

Полная скукота – ньюейс, гербалайф, сетевой маркетинг, диспетчер на телефоне, обработка корреспонденции на дому, массажные салоны... Только массажных салонов мне не хватало! Любой школьнице известно, что за заведения скрываются сейчас под этой вывеской. Интимные услуги для всех страждущих. Вернее, для тех, у кого деньги есть... Все это, пожалуй, теперь без меня. Хватит уже, помассажировала! Нет, к массажным салонам я возвращаться не собираюсь... Да, но, кроме этого, и выбирать-то не из чего. Ну разве что в грузчики...

Без особого труда представив себя в роли грузчика, я усмехнулась – хорошо я буду выглядеть с мешком на спине и с подгибающимися ногами! Я, наверное, буду смотреться очень интригующе.

Да, но, собственно, по какому поводу веселье, Леночка? – спросила я у себя как можно строже. Репертуар-то исчерпан весь – вот это действительно веселенькое дельце! Человеку, который хочет работать честно и зарабатывать себе на жизнь не в постели – просто приткнуться некуда! Кругом какие-то аферы, какие-то махинации, какие-то массажные салоны... Сплошная... хм, проституция! Каждый стремится обмануть своего соседа... Ну как, скажите, прожить

на свете честному человеку? Я в этот момент искренне считала себя самым честным человеком на свете. И никто на свете не смог бы упрекнуть меня в том, что я лгу...

К сожалению, газета не оставляла мне выбора. А на работу устроиться просто необходимо – деньги почти закончились. У меня осталась последняя сотка, на которую в моем родном Арбатове можно протянуть дней десять, ограничившись хлебом и водой, а можно и спустить за один вечер, да что там – за час. Но это зависит от того, какие перспективы есть у меня на следующую неделю...

Только, пожалуйста, не надо меня учить и объяснять мне прописные истины. Я и сама прекрасно понимаю, что нет у меня в Арбатове практически никаких перспектив, кроме панели. И дело тут не в городе, а во мне самой. Арбатов-то как раз самый типичный российский город, разве что история его несколько литературно-романтичнее, чем у других российских нестоличных городов. Но именно эта-то типичность меня и убивает. Я на сто, да что там на сто – на двести процентов согласна с одним очень известным литературным персонажем, сказавшим когда-то про наш город пророческие слова: «Нет, это не Рио-де-Жанейро!»

Да, да, представьте себе! Наш расположенный в самой середине России Арбатов и есть тот самый городишко, в котором когда-то, мне лично кажется, лет тысячу назад, в кабинете тогдашнего мэра встретились два сына лейтенанта Шмидта, а покидая город, подобрали и третьего. Кто такой лейтенант Шмидт, я вам точно не скажу, поскольку о его сыновьях мне известно гораздо больше, чем об их папаше. За ту самую тысячу лет канул в Лету не только лейтенант Шмидт, но и тот Арбатов, в котором встретились его знаменитые сыновья. Легендарная надпись «Штанов нет» хранится в областном литературном музее. Помню, впервые я ее увидела еще в первом классе, во время экскурсии, на которую повела нас учительница. Про какие штаны идет речь, мы еще не знали, и мальчишки, истолковав ее по-своему, принялись дергать нас, девочек, за косички и дразнить, показывая на нас пальцами: «Штанов нет! Штанов нет!»...

Мемориальная доска «Здесь Остап Бендер встретился с Александром Балагановым», та, что на центральной площади, на здании мэрии, давно перестала быть единственной достопримечательностью нашего Арбатова. Он стал нынче мегаполисом. И сейчас нас, арбатовцев, не менее полутора миллионов человек. Конечно, не столица, но, с другой стороны, и не Урюпинск какой-нибудь... Российский город со средним уровнем жизни, наполненной типичными российскими проблемами.

Пока я размышляла о нашем Арбатове, я немного отвлеклась от проблемы более конкретной и насущной. От проблемы безработицы. Моей личной.

Я перелистнула еще одну страничку и вдруг увидела свою перспективу ясно и отчетливо, словно первую строчку таблицы для проверки зрения в кабинете окулиста – перспектива эта маячила в тексте небольшого объявления, на которое я поначалу абсолютно никакого внимания не обратила. А сейчас я смотрела на него, как на единственное спасение от той смертельной скуки, которой веяло со всех остальных газетных страниц.

«Ищу мужчину в возрасте до тридцати лет на высокооплачиваемую работу для выполнения конфиденциальных поручений. Телефон: ...»

Конечно же, в первую очередь меня привлекло слово «высокооплачиваемую». Не менее привлекательна была и «конфиденциальность» предстоящих поручений. А вот второе слово в объявлении вообще пролетело мимо моего внимания. Я споткнулась на нем лишь при десятом чтении. Хм, мужчину... Но, секунду подумав, я беспечно и уверенно отмахнулась от этого препятствия: «А! Я кого хочешь сумею убедить, что справлюсь с любым заданием лучше любого мужчины...»

– Приехали, – сказал водитель. – Вылазь-ка, дочка. Тебе во-он туда... Он указал рукой куда-то вперед.

– Пятый дом по правому порядку. Там Алексевна живет. Там у нее медпункт и есть...

Я, вероятно, посмотрела на него с недоумением, потому что он как-то крикнул, поскреб небритый подбородок и принялся объяснять:

– Это у нас каждая сторона улицы так называется – «порядок». Потому, что дома стоят по порядку, один за другим...

«Центральная», куда меня привез самосвал, оказалась главной усадьбой акционерного общества «Овощное» – пригородного овощеводческого хозяйства. Босоногие пацаны, попавшие мне навстречу с удочками, ответили на все мои вопросы. Прежде всего выяснилось, что автобусы сюда не ходят. Услышав это, я приуныла. Вот это занесло меня!.. Вот это замела я следы!.. А если кому-то нужно в Арбат или в другой город, продолжали свои разъяснения пацаны, то ездят на машинах, с овощной базы. Машины оттуда куда хочешь идут, даже за границу. В Грузию, например...

Я чуть не подпрыгнула от радостного удивления. Только теперь я поняла, как мне повезло. Ведь это же гораздо лучше нашего арбатовского аэропорта, который наверняка кишит сейчас оперативниками, вглядывающимися в лица всех молодых симпатичных женщин. А уж здесь-то меня точно никто искать не будет. Не додумается арбатовская милиция перекрыть все грузовые автомобильные перевозки, а уж тем более – в пригороде.

Пацаны показали мне, как пройти к конторе. Там, объяснили они, водители загруженных уже машин оформляют документы. Там и попутчики к ним набиваются. Сейчас самое время для тех, кто далеко едет, они стараются после обеда выехать, в ночь, чтобы утром на место прибыть. Мне сразу же захотелось прибыть утром куда-нибудь «на место». Только я еще не знала, где оно – мое место.

Я помчалась к конторе. Перед двухэтажным и довольно современным по сравнению с другими домами поселка зданием выстроились в очередь с десятком «КамАЗов»-длинномеров с затянутыми брезентом кузовами. Сердце мое возбужденно забилося. Вот она – дорога к свободе! Водители первых двух машин везли помидоры в Арбат и меня не заинтересовали. А вот третий ехал, как он заявил, в Воронеж. Непонятно было – зачем везти туда помидоры? Там что, своих мало, не растут они там, что ли? Впрочем, мне-то какая разница? Я чуть было не отправилась в Воронеж, но потом решила расспросить все-таки водителей, куда едут другие машины. И когда выяснила, что три последних везут те же самые помидоры в Москву, я уже не сомневалась, что мне именно туда и нужно. Вместе с этими помидорами. А где же еще проще всего затеряться, как не в самом большом городе? А проблем и с работой, и с жильем у меня везде будет одинаково много – хоть в Москве, хоть в Воронеже.

Попутчиков водители-«москвичи» себе уже нашли, но один из них смотрел на меня столь плотно, что я не сомневалась – он сам что-нибудь придумает, чтобы заполучить меня к себе в пассажиры. Он подошел ко мне ровно через минуту и спросил, откровенно рассматривая мои ноги и чуть ли не облизываясь:

– Тебе в Москву, говоришь?

– Да, – ответила я лаконично.

– А что платишь?

Я несколько растерялась. В Воронеж молодой парень-водитель сам предложил подбросить меня бесплатно. Сколько нужно платить до Москвы, я понятия не имела. Пришлось зарядить наобум. Впрочем, билет на поезд я брала, кажется, рублей за триста...

– Десять, – сказала я, имея в виду доллары и стараясь, чтобы голос звучал поувереннее.

– Что? – возмутился он. – Червонец засунь себе знаешь куда? И шагай в Москву пешком.

– Сколько ты хочешь? – спросила я.

– Двести. И деньги вперед.

– Почему так дорого? – я возмутилась, но сама-то знала, что соглашусь на любую цену.

– Дорого? – удивился он. – Да разве это деньги? У тебя что, платить, что ли, нечем? Один червонец – и все? Ну, так, если денег нет: двести верст – один минет. До Москвы – четыре.

«Вот урод!» – подумала я и полезла в сумочку за деньгами. Я достала четыре купюры по пятьдесят долларов и протянула ему.

Он на мгновение растерялся, глядя на доллары, а потом быстрым движением выхватил их у меня из рук и сунул к себе в карман. На меня при этом он посмотрел удивленно-подозрительно.

Он что-то буркнул и пошел в контору за документами.

И только тут до меня дошло наконец, что он-то цену называл мне в рублях! И оказался намного сообразительнее меня. А у меня, видно, в самом деле какие-то проблемы с головой... Я же в двадцать раз ему переплатила! Ну я и дурища... Надо подумать, нельзя ли выманить мои денежки у него обратно...

...Через час мы выехали из поселка по дороге, ведущей в сторону, слава богу, противоположную Арбатову. По обеим сторонам дороги тянулись какие-то поля, потом лесопосадки, потом снова поля. Дорога была грунтовая, но накатанная, машина шла ровно, и чем дальше мы удалялись от Арбатова, тем больше я успокаивалась. Похоже, мне все-таки удалось выбраться из ловушки, в которую я попала то ли случайно, то ли по собственной глупости. Но откуда же я могла знать, чем грозит мне то объявление в газете, которое показалось счастливой находкой.

Водитель, проницательного вида мужчина лет сорока, помалкивал и поглядывал в мою сторону как-то обиженно. Еще и обижается, козел! Обманул девчонку и рад. Почему он на меня дуется, мне было непонятно, и я решила не обращать пока на него внимание. Однообразный дорожный вид по сторонам дороги мне быстро надоел, и я вновь принялась вспоминать, что со мной случилось, пытаясь заодно разобраться во всей этой невеселой истории.

Глава 3

...Указанный в газете номер телефона я тогда набирала в полной уверенности, что интересная, необычная работа уже у меня в кармане. Я не знаю, откуда у меня взялась эта уверенность. Но она столько раз помогала мне убеждать собеседника в том, что ему совершенно необходимо то, что на самом-то деле ему было совсем не нужно. В чем тут дело – в психологическом заражении или в каких-то особых флюидах, исходящих от меня, – никто из моих знакомых, часто испытывавших все это на себе, не взялся бы ответить на этот вопрос. И никто из клиентов, которых прежде всего выбирала я, а потом уж они меня. А уж я сама тем более не смогла бы ответить. Но о своей способности влиять на людей в момент принятия решения я очень даже была осведомлена. На нее и надеялась.

Однако ответил мне совершенно безэмоциональный голос клерка. Причем наверняка из самых младших, вся компетенция которого сводилась, похоже, к праву не принимать никаких решений. Он и слушать не хотел о женщинах, претендующих на предлагаемую работу. Единственное, чего мне удалось добиться – вытащить из него информацию о том, что собеседование с претендентами проводится ежедневно, с десяти до двенадцати, в офисе фирмы «Экспоцентр».

Вот уж кого я терпеть не могу, так это младших клерков... Ну о чем можно разговаривать с человеком, который не может ответить тебе даже «Нет!» и способен лишь на то, чтобы выслушать тебя и записать твои данные на бумажку. Да лучше уж с автоответчиком разговаривать! По крайней мере, есть хоть какая-то надежда, что твое сообщение выслушает руководитель, лицо, принимающее решения... Нет, никогда в жизни я не буду работать младшим клерком! Раз уж меня не спросили, хочу ли я родиться на свет, то теперь-то уж я сама буду принимать решения! Я не умею бездумно, механически выполнять чужую волю, как это делают клерки – младшие, средние и даже старшие.

А уж кто в «Экспоцентре» принимает решения, я хорошо знала, как, впрочем, и все в Арбатове. Генеральный директор фирмы Андрон Лаптев – один из самых богатых и самых угрюмых в нашем городе людей. Но если во втором при случае можно лично убедиться, то слухи о первом нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. А слухи ходят самые разные. Многие говорят о миллионах – долларов, конечно... Стоит ему появиться на людях, как по присутствующим прокатывается волна легкого шепота и все головы поворачиваются в его сторону. Но он на это никогда не обращает внимания, смотрит на всех исподлобья, сдвинув брови и молча. Говорит он вообще очень мало, голосом тяжелым и резким. У людей, в себе неуверенных, его взгляд вызывает желание в чем-то оправдаться, объясниться, хотя оправдываться им совершенно не в чем, и желание понравиться ему. Зачем? Хм, зачем... Потом они, конечно, задают себе такой вопрос и, не найдя на него ответа, испытывают чувство стыда.

Но позвольте! Если объявление о «конфиденциальных поручениях» дает фирма «Экспоцентр», то исходить они будут скорее всего от самого Лаптева! А это уже совсем другое дело. Это сразу сделало «высокооплачиваемую работу» чрезвычайно привлекательной для меня. Еще бы! Быть порученцем у самого богатого в городе человека, пусть и у самого угрюмого! И плевать я хотела, что приглашают мужчину! Не киллером же меня приглашают работать и не грузчиком! Эти профессии для меня малопривлекательны. Но убивать мне никого, конечно, не придется, таскать тяжести – тоже. А со всем остальным я справлюсь.

Кстати, сейчас всего десять утра, время самое подходящее, чтобы отправиться на собеседование.

Через пятнадцать минут я отправилась в «Экспоцентр». Десять минут я потратила на раздумья – что надеть? Но, в конце концов, что тут думать? Идти нужно в желтом платье! Это платье – мое тактическое оружие. Я всегда надеваю его, когда требуется произвести эффект на

мужчину, зацепить внимание клиента. Несмотря на то что мне всего двадцать два, мужчин я знаю достаточно хорошо, как вы сами понимаете – успела присмотреться за почти ежедневное общение с ними. Эффекта, как правило, легко достигнуть с помощью обнаженных плеч и моих длинных стройных ног. Правда, платье приходится время от времени одергивать, чтобы оно из «на грани» не превратилось в «за гранью». Речь идет, конечно, не о грани приличия, а о грани элегантности. Или наоборот? Впрочем, с этими понятиями у меня часто происходит какая-то непонятная путаница. Но в моем прежнем ремесле это и не было важно... Эффекта-то я достигала? Достигну и сейчас! А это главное...

«Экспоцентр» располагается у нас в самом престижном месте – в огромном здании в центре города, которое на первый взгляд напоминает аэровокзал. А с чем еще сравнить это странное архитектурное сооружение из стекла, металла и бетона? На второй взгляд, то есть на взгляд человека, попавшего внутрь, оно напоминает театр, и это – совершенно справедливое впечатление. Лаптев купил это здание у городской мэрии после того, как городской драматический театр, в прежние времена носивший имя одного из вождей мирового пролетариата, Карла Маркса, а в новейшие ставший просто Театром драмы и комедии, окончательно «погорел» и разбежался. Выставочных площадей в здании – с добрый квадратный километр. Как минимум четыре крупных выставки свободно размещаются в нем одновременно, и одна другой не мешает. А кроме того, есть в этом здании многочисленные помещения вспомогательных театральных цехов и целый этаж артистических гримуборных. Да еще рядом со зданием бывшего театра – маленькая, но вместительная театральная гостиница. Короче – хозяйство огромное... Все это Лаптев тоже каким-то образом использует. В аренду, что ли, сдает, или что-то в этом роде...

Собеседование проводилось в бывшем кабинете главного режиссера, в котором расположился теперь заместитель Лаптева по кадрам. На его двойной двери еще сохранилась табличка «Главный режиссер». Напротив – кабинет генерального директора, занявшего кабинет директора театра, тоже с двойной дверью и табличкой «Директор». Секретарша, одна на двоих, – пухлая тридцатилетняя девица, явно – ленивая: цветы в горшках на подоконнике у нее за спиной подсохли и подвяли. Все это я отметила машинально, по давно укоренившейся привычке замечать всякие пустяки и мелочи, которые иногда играют важную роль в разговоре двух человек или в развитии какой-то ситуации.

Менеджер по кадрам оказалась молодой женщиной, на вид вряд ли намного старше меня самой. Хотя, сами понимаете, можно ли точно определить возраст женщины? Она была слегка похожа на ведущую телепередачи «У всех на устах» Наталью Дарьялову и, очевидно, знала это. Я почему-то была уверена, что она всячески старается усиливать это сходство, и, когда надо и не надо, тщательно копирует манеру поведения и даже своеобразную дикцию столичной тележурналистки. Правда, не ошиблась ли я в последнем, я так и не узнала. Поговорить нам с ней фактически не удалось. Да у меня и не было особенного желания.

Она молча смотрела на меня, стараясь пошире раскрыть глаза и придать им удивленно-радостное выражение, как у телеобразца. Я забеспокоилась, не «за гранью» ли сейчас мое желтое платье, и испытала сильное желание слегка одернуть его. Но взяла себя в руки и делать этого, конечно, не стала.

«Чего это она на меня таращится, как идиотка?» – подумала я.

– Здравствуйте, – сказала я, стараясь быть вежливой, но ответа не дождалась и теперь уже сама почувствовала себя полной идиоткой.

«Ах ты так? Не замечаешь меня? – разозлилась я. – Высокомерная... коза!»

– Странно, знаете ли, – я тут же постаралась поделиться своим раздражением с надменной девицей, которая его вызвала, – такое чувство, словно в зоопарк не вовремя попала...

Менеджер по кадрам моргнула своими неестественно длинными ресницами, и взгляд ее сменился с удивленного на вопросительный.

– Только никак не вспомню, у кого из его парнокопытных обитателей я видела такой взгляд... – ответила я и быстренько вышла из кабинета, лишив его хозяйку возможности ответить мне естественной в такой ситуации фразой: «Вон отсюда!»

Но если вы думаете, что я в этот момент отказалась от мысли получить работу, к которой стремилась, вы жестоко ошибаетесь! Да ничего подобного! У меня и в мыслях этого не было. Вовсе не отказалась, а захотела получить ее еще сильнее! А если сильно чего-то хотеть, обязательно этого добьешься. Не знаю, не знаю, как у всех остальных, а у меня это именно так.

И потом, что это у них за постановка вопроса? Если меня берет на работу Лаптев, а в этом я была уверена, значит, разговаривать я должна именно с ним! Зачем мне развлекать каких-то скучающих высокомерных девиц? Что я, цены, что ли, себе не знаю?

План действий родился у меня моментально. Чистая импровизация.

Прикрыв за собой первую дверь в кабинет «главного режиссера», я пошире открыла вторую и, сделав вид, что продолжаю разговор с менеджером по кадрам, сказала, заботясь только о том, чтобы каждое мое слово было отчетливо слышно секретарше:

– К Лаптеву? Да, да, обязательно зайду. Прямо сейчас зайду...

И тут же, повернувшись к секретарше, спросила, словно продолжая один и тот же разговор:

– Он здесь?

– Вы по какому вопросу? – произнесла та ритуальную фразу и только после этого взглянула на меня лениво-высокомерно.

Я пожала плечами и жестом недоумения указала на дурацкую табличку «Главный режиссер». Вы же, мол, слышали, как меня к нему только что направили. Вот из этого соседнего кабинета.

Секретарша недовольно вздохнула, но кивнула мне благосклонно и добавила:

– Проходите, он сейчас один.

Входя в кабинет Лаптева и уже закрывая за собой дверь с табличкой «Директор», я увидела, как медленно открывается дверь напротив. А из нее выглядывает возмущенно-красная физиономия разгневанного менеджера по кадрам. У нее даже уши были красными.

«Какая же ты медлительная коза... – успела подумать я о ней удовлетворенно-злорадно. – Опоздала ты чуть-чуть, милочка!»

Лаптев сидел за большим письменным столом, изучал какие-то бумаги и даже не поднял головы, чтобы взглянуть на меня, когда я вошла. Что говорить и как себя в такой ситуации вести? Я представляла себе это не совсем четко. Поэтому решила, что самое лучшее – продолжать импровизировать. Я решительно подошла к столу и заявила:

– Наконец-то я вас нашла!

Глава 4

На столь неожиданную фразу Лаптев не мог не поднять головы.

«Да-а, – подумала я, увидев его неприветливое лицо, – веселый дядечка!»

Хотя, с другой стороны, чего бы это ему быть приветливым? Врывается неизвестно кто в кабинет. Неизвестно – зачем...

Он смотрел на меня, сдвинув брови, исподлобья, но я сразу поняла, что он смотрит так всегда, и угрюмый его вид вовсе не говорит о том, что настроение у него тоже угрюмое. Я ответила ему своим самым невозмутимым взглядом – приподняв брови и с легким поворотом головы поглядывая то в одну сторону, то в другую. С эдакой искренней птичьей непосредственностью.

«Какая актриса во мне пропадает!» – хихикнула я про себя.

Лаптев снял очки, хотя и так смотрел на меня поверх стекол, и спросил:

– И долго искали?

«Клюнул, голубчик! – подумала я. – Ничего он и не злой. Просто лицо у него такое. Мрачное. А голос так даже приятный».

– Все утро, – снисходительно удовлетворила я его любопытство.

– А зачем?

– В газете прочитала, что я вам нужна.

Лаптев выпятил вперед нижнюю губу, что, вероятно, должно было означать недоумение, задумался ненадолго и спросил:

– И кто автор статьи?

– Вы, – ответила я тоном, не оставлявшим места для сомнений.

– И о чем я там написал? – Лаптев никак не мог понять, о чем я говорю, или делал вид, что не понимает, в этом я разобраться не успела.

– О том, что ищите надежного человека с приятной внешностью и острым умом, – добралась наконец я до сути своего вторжения, но договорить не успела, потому что выражение лица у него изменилось...

Мои легендарные флюиды, похоже, подействовали на него, потому что мрачно сдвинутые темные брови Лаптева поползли вверх и приняли, вероятно, точно такое же положение, как и у меня.

– Зачем мне этот приятный и умный человек? – продолжал недоумевать Лаптев.

Я слегка засомневалась, что его недоумение не наигранное, но тем не менее подумала: «Да что они тут – все тупые, что ли?!»

– Чтобы давать ему сложные... и опасные... – последние два слова я произнесла с расстановкой, подчеркнув каждое из них движением бровей вверх, – поручения, о которых будем знать только вы и я... Конфиденциальные, как и было сказано в объявлении.

Теперь уже я смотрела на Лаптева вопросительно. А он смотрел на меня с интересом. Мне даже показалось, что он мною откровенно любит.

– Так во-от в чем дело... – протянул он, словно до него только что дошло.

– Да, – невозмутимо подтвердила я, – поэтому я и пришла. Только там...

Я оглянулась на дверь кабинета.

– ...какое-то недоразумение. По-моему, для вас ищут мужчину...

Лаптев вновь сдвинул брови, отчего его лицо приняло свое обычное выражение.

– Неужели? – спросил он, удивленно поджав губы, но я опять до конца не поверила что-то в его удивление. – Ничего нельзя доверить своим помощникам... Все приходится делать самому.

Лаптев минуту смотрел на меня, словно обдумывая свое решение, но я уже была уверена, что решение непременно будет в мою пользу. Этот мрачный человек обязательно примет меня к себе на работу. Потому что у меня не было ни малейшего ощущения неудачи или провала. Все пока складывалось как нельзя лучше.

– Итак, – начал Лаптев, – вы надежны, умны и привлекательны. В последнем я уверен, второе вы уже продемонстрировали, а первое вам придется доказать. К сожалению, все три эти качества дефицитны среди моего персонала... Но это – к слову. Теперь о работе. Поручения будут не столько сложные, сколько ответственные. Главное правило – не требовать от меня никаких разъяснений. Только выполнять. И как можно точнее. Отчитываться и получать новые задания будете здесь. Общаться только со мной, никаких информационных контактов с моим персоналом. Работать будете неофициально, без всяких там трудовых книжек и трудовых соглашений. Платить буду тоже я сам, после каждого выполненного задания. Зарплата вас устроит, можете не сомневаться. Задания будут не регулярны – возможно, каждый день, возможно, с недельным перерывом...

– Простите, – перебила его я, не забывая о своих интересах, – мне кажется, вопрос оплаты требует все же большей определенности.

– Да, – буркнул себе под нос Лаптев и, прищурившись, посмотрел на меня, – в уме вам не откажешь, как, впрочем, и в откровенности... Поручения будут стоять по-разному, но могу гарантировать, что за месяц вы заработаете не меньше пяти тысяч долларов... Договоров составлять никаких мы с вами не будем. Моего слова вам достаточно в качестве гарантии?

Дальше я уже не слушала. Вот это была удача! За одно утро – от полной безработицы до такой зарплаты! Какая там панель! Да мне такие заработки на панели и не снились! Я просто гордилась собой. Сколько раз я убеждалась: главное – верить в себя, в свои силы, и ты всегда будешь на коне! Мир принадлежит уверенным в себе людям. «Пусть неудачник плачет!», или как это там было сказано-то? А я буду смеяться всегда! Меня просто захлестывала эйфория...

Размеренно-механический голос Лаптева вернул меня к действительности.

– Первое поручение выполните уже сегодня.

Он посмотрел на часы.

– Через три часа здесь, у меня, на главной площадке «Экспоцентра», состоится презентация нового проекта фирмы «Рампа».

Лаптев открыл свой стол и, достав какую-то фотографию, показал ее мне.

– Вы знаете этого человека?

Того, кто был изображен на фотографии, я никогда прежде не видела. Обаятельный молодой человек сидел на фальшбортике яхты и уверенно-иронически улыбался. Он был в одних плавках. Я рассмотрела его тело. Рельефные мускулы и покатые плечи говорили о силе и выносливости, а стройная фигура, подтянутый мускулистый живот, полные чувственные губы и твердый взгляд обещали немало удовольствия той, что разделит с ним постель.

Я покачала головой:

– Нет, я его не знаю...

– Тем лучше для дела, – сказал Лаптев. – Вот сегодня вы с ним и познакомитесь. Это будет первым вашим поручением...

Глава 5

...Я не заметила, как задремала, убаюканная ровным гудением мотора и собственными воспоминаниями. Отяжелевшие веки закрывались сами собой, и только когда я прислонялась головой к спинке высокого сиденья, боль в затылке ненадолго прогоняла упрямо наваливавшийся сон. В конце концов я кое-как приспособилась дремать, держа голову прямо или свесив ее себе на грудь.

Вскоре стемнело, и конус желтого света от фар машины сузил видимое пространство до минимума. Изредка приоткрывая глаза, я заметила сквозь дремоту, что мы выехали на шоссе. Мотор загудел сильнее, покачивать почти совсем перестало. Машина по асфальтированной дороге шла ровно, и я заснула окончательно, пристроив голову к спинке сиденья как-то боком.

Проснувшись я неожиданно и резко – от того, что сумочка, которую я держала обеими руками, потихоньку поползла из моих рук. Не открывая глаз, хотя уже проснувшись и была настоящей, я вцепилась в нее еще крепче и слегка подтянула к себе.

Машина стояла, мотор не работал, я ясно слышала сопение водителя где-то совсем рядом с собой. Он снова попытался потихоньку вытащить из моих рук сумочку, но это ему не удалось.

«Так, – подумала я, – начинаются приключения... Сейчас я тебе устрою!»

Странно, но я была совершенно спокойна. Хотя и не знала, что мне делать. Успокаивала мысль о пистолете в моей сумочке. Я чувствовала, что мне все же придется его доставать. Ведь любитель минетов теперь сам не успокоится, и сейчас дело наверняка дойдет до сексуальных домогательств. Только не огрел бы он меня по голове чем-нибудь тяжелым. Хватит с меня головной боли.

Ну, так и есть! Я почувствовала, что на мое голое колено легла шершавая рука и осторожно двинулась вверх по ноге. Пожалуй, хватит притворяться крепко спящей, а то он меня и изнасиловать успеет, если я так крепко «спать» буду. А я его видеть в числе своих клиентов как-то не предполагала.

Я открыла глаза. Дверка с моей стороны была открыта, он стоял на земле рядом со мной, а его рука тихо пробиралась к моим трусикам.

– Ам! – крикнула я резко и громко.

Он отдернул руку и даже отпрыгнул от машины. Я засмеялась, хотя, скажу честно, смешно мне не было. Но я чувствовала, что вести себя нужно именно так. Дерзко и даже нагло.

– Сука! – закричал он на меня. – Ты чего?.. Пугаешь, да? А ну – вылезь!

– Приспичило, что ли? – продолжала я над ним смеяться. – Иди о колесо потришь. Полегче станет.

– Ты... – задохнулся он. – Тварь валютная! Вылезь, я сказал! И раком вставай! Щас я тебе всажу – мало не покажется!

Он торчал, как дурак, перед открытой дверцей машины, орал и размахивал монтировкой, крепко зажатой в его правой руке.

«Ну, ты и трус! – подумала я. – На девчонку – с железякой...»

– Поберегись, а то зашибу! – крикнула я ему, выпрыгивая из кабины.

Пистолет я уже держала в правой руке, а сумочку – в левой. Кто знает, как дело обернется? Может быть, мне сейчас убежать от него придется? Так лучше убежать с деньгами, чем с мыслью о том, что они пропали...

Спрыгнув на землю, я выпрямилась и выставила пистолет прямо ему в лицо. Полная луна заливала все вокруг каким-то густым призрачным зеленоватым светом, делая нас с ним похожими на привидения. Только сейчас я обратила внимание, как внушительно выглядит мое оружие. Тяжелое, с удлиненным стволом и какой-то цилиндрической блямбой на его конце. Что у меня в руке, он разглядел очень хорошо. Потому что попятился и сказал, заикаясь:

– У... Убе-ри дуру... Она же в-выстрелить может...

– Конечно, может! – подтвердила я. – Еще как может... Смотри!

Я отвела ствол от его головы и нажала курок. Звук выстрела получился глухой, словно аккуратно открыли пробку от шампанского, и совсем не страшный – странная блямба на стволе оказалась глушителем. Во время выстрела рука у меня дернулась, и пуля чиркнула ему по щеке, едва не угодив прямо в лицо.

Я перепугалась, наверное, больше его самого. Хорошо еще, что в лунном полумраке он не разглядел испуганное выражение моего лица. Он бы сразу все про меня понял. Но он и сам был перепуган не меньше меня. Даже больше! Он же не знал, что я сейчас сделала свой первый в жизни выстрел из пистолета. Он-то думал, я специально ему щеку пулей оцарапала...

– Спрячь «пушку», придурочная! – завопил он, бросил монтировку в сторону и поднял руки над головой. – Пошутил я!

– Вот и я хочу пошутить, – спокойно ответила я и тут же скомандовала резко и отрывисто: – Лицом к машине! Руки на капот! Ноги шире!

В такие позы ставят преступников при задержании, это я не раз видела – и в «Дежурной части» на РТР, и в нашей арбатовской криминальной хронике, да и в кино тоже не раз... А что же там дальше-то делают? Ах да – обыскивают! Так-так...

Я ткнула стволом пистолета куда-то в его толстую задницу и, угрожающе понизив голос, процедила фразу, которую совсем недавно слышала в каком-то голливудском полицейском боевике:

– Если ты, козел, вздумаешь пошевелиться без моего разрешения, я прострелю тебе твои паршивые яйца и тебе больше незачем будет смотреть на женщин...

Вспомнив, в какой из своих карманов он сунул мои деньги, я вытащила двести долларов и положила в сумочку, какую-то российскую бумажную мелочь я засунула ему обратно в карман. Убедившись, что оружия в карманах у него нет, я скомандовала:

– Быстро за руль! И поехали, урод! Мне утром в Москве надо быть...

Он с готовностью бросился в кабину. Я уселась на свое место. Машина вновь рванула по ночному шоссе, и первое время мне казалось, что даже мотор гудит как-то нервно, словно передавая состояние водителя. А может быть, это я сама нервничала...

Минут десять он сидел молча, переваривая инцидент, потом начал смеяться, поглядывая в мою сторону. Мне было не до смеха, с одной стороны, а с другой – я не хотела никакого с ним компромисса, настолько противна мне была его рожа. Но он упорно смеялся, давая понять, что смеется над самим собой. Меня его смех раздражал, я не хотела с ним разговаривать, видеть, слышать...

Я его терпела только в силу необходимости. Если бы это было возможно, я с удовольствием выкинула бы его из кабины и поехала дальше одна. Но при первой же проверке я погорела бы так, что уже не выкарабкаться. Пусть уж везет, ну его к чертям собачьим! Только пусть помалкивает. Мне нужно было попрочнее закрепить столь стихийно сложившееся распределение ролей между нами.

– Где это ты стрелять так выучилась? – спросил он меня между двумя приступами смеха.

– Когда таких вот, придурков, как ты, шлепала... – проговорила я, стараясь, чтобы за моим безразличным тоном чувствовалась откровенная угроза. – Чтобы смеялись поменьше...

Смех его резко оборвался.

«Хорошо, – подумала я. – Теперь я тебя еще разок по носу щелкну, чтобы ты ко мне не приставал...»

– Речку какую-нибудь увидишь – останови, – приказала я ему.

– Купаться, что ль, будешь? – сразу же воспользовался он поводом пообщаться.

– Нет! – отрезала я. – Штаны себе застираешь. Воняет здесь – дышать нечем!

Он надулся и замолчал. Я того и добивалась. Чтобы он оставил меня в покое. Интересно все же – за кого он меня принимает?.. А впрочем, не все ли мне равно – за кого. От него требуется одно – чтобы он довез меня до Москвы без новых приключений.

Я посмотрела в его сторону. Он сидел мрачный, обиженный и, похоже, про себя материл меня на чем свет стоит... Вот и хорошо, лишь бы не приставал с разговорами.

Через полчаса все произошедшее уже казалось мне довольно скучным, и я вновь принялась вспоминать историю, из-за которой я удалялась сейчас от Арбатова со скоростью девяносто километров в час и с такой же скоростью приближалась к Москве...

Глава 6

...Первое поручение, которое дал мне Лаптев, – было просто класс!

Я решила, что, если и дальше так пойдет, я готова работать у него годами. Поручение заключалось в следующем: сегодня на презентации в «Экспоцентре» познакомиться с Юрием Николаевым – президентом сотрудничающей с Лаптевым фирмы «Рампа». Его-то фотографию Лаптев мне и показывал. Говорить с ним, проинструктировал меня мой работодатель, можно о чем угодно, единственная закрытая тема – наш контакт с Лаптевым. О том, что, знакомясь с ним, я выполняю поручение, данное мне Лаптевым, Николаев ни в коем случае не должен догадаться.

«Интересно, однако, зачем это ему нужно?» – подумала я.

– Судя по выражению вашего лица, – тут же сказал Лаптев, словно читал мои мысли, – человек вы весьма любознательный, и вас уже мучает вопрос, какой смысл в том, что вы должны сделать. Чтобы во время работы вас не отвлекали посторонние мысли, введу вас в курс дела. Проблема, которую я с вашей помощью надеюсь разрешить, заключается в следующем. Сегодня вечером, после презентации, Николаев должен проводить важное совещание. В моих интересах, чтобы это совещание не состоялось. Поэтому вы должны увлечь директора «Рампы» настолько, чтобы он не смог с вами сегодня сразу расстаться, а пригласил бы вас... ну, скажем, в ресторан или ночной клуб... Задержите его около себя хотя бы до полуночи. Если вам это удастся, я буду уверен, что заседание сегодня не состоится. Большого мне от вас не нужно. А утром вы получите свой первый гонорар – сто пятьдесят долларов... У вас есть вопросы?

Лаптев смотрел на меня все с тем же обычным своим угрюмым выражением, но меня оно уже не смущало. И я сочла возможным обсудить с ним единственный вопрос, который меня в данный момент интересовал, – не ущемлены ли мои финансовые интересы? Впрочем, этот вопрос интересует меня всегда, постоянно, но особенно – при поступлении на новую работу. Я каждый раз подозреваю, что стою гораздо дороже, чем мне предлагают.

– Я хотела бы уточнить... – очень деловым, как мне, по крайней мере, показалось, тоном сказала я. – Вам не кажется, что сто пятьдесят долларов трудно считать высокой оплатой, а в тексте объявления, помнится, было написано о высокооплачиваемой работе...

– А вам не кажется, – перебил меня Лаптев, – что поход в ресторан с таким мужчиной, как Николаев, трудно считать работой?..

...Так началась моя недолгая служба у Лаптева. С ощущения праздника. Праздник начался через три часа после моего визита к Лаптеву и продолжался до следующего утра. Потому что общение с настоящим мужчиной – всегда праздник для женщины... А у меня их было не так уж и много... Я имею в виду праздников, а не мужчин – этого-то добра как раз было навалом.

...Через три часа после моего первого визита к Лаптеву я вошла в «Экспоцентр» и разыскала там главную выставочную площадку. Она оказалась заставленной всевозможным рекламным оборудованием, стендами с образцами рекламной продукции «Рампы», рекламными щитами, брендмауэрами, транспарантами, афишными тумбами и тому подобными рекламными премудростями.

К самому пятнадцатиметровому потолку поднимался огромный воздушный шар с привязанным к нему плакатом, приветствующим гостей выставки. По залу бродила разношерстная публика, которую я разделила на две большие группы: «фраки» и «джинсы». Среди строго одетых мужчин и женщин с подчеркнуто светскими манерами, соблюдение которых им было явно важнее самой выставки, я заметила и мрачного Лаптева. Другую группу составляла

«джинсовая» публика, в которой без труда угадывались специалисты рекламного дела – дизайнеры, художники, рекламисты, полиграфисты и прочие бородатые юноши и плохо расчесанные девушки с кругами под глазами.

Публику я разглядывала только потому, что нужно было чем-то себя занять, пока руководство «Рампы» не начало официальной презентации. Скажу честно, меня поразило обилие журналистов. Кроме двух съемочных групп с двух конкурирующих телеканалов, между публикой сустились не менее десятка фоторепортеров. Они то и дело пытались залезть в самые труднодоступные места в поисках удобной точки съемки или удачного ракурса и создавали этим какую-то предпраздничную суматоху.

Разглядывая публику, я вдруг поймала себя на том, что невольно сравниваю присутствующих женщин с собой. Интересно, интересно, зачем это мне нужно? Наверное, оцениваю свои шансы привлечь внимание Юрия Николаева? Честное слово, я делала это бессознательно! Но раз уж я все это осознала, скажу без ложной скромности – находила эти шансы весьма и весьма высокими!

В зале началось какое-то всеобщее оживление. Это подсказало мне, что в зале появился директор «Рампы» во главе своей свиты и презентация сейчас начнется. «Который же из них Николаев?» – подумала я, увидев нескольких молодых людей, сгрудившихся у микрофона перед огромным щитом с надписью: «С нами – в XXI век!» Я угадала его прежде, чем узнала лицо, виденное на фотографии. По той уверенной манере, с которой он себя держал, и тому вниманию, которое именно ему уделяли фоторепортеры.

– Уважаемые гости, дамы и господа, дорогие коллеги... – Николаев обвел глазами весь зал, – ...и незабвенные конкуренты!

Тут Николаев слегка поклонился в ту сторону, где стоял Лаптев, и мне почему-то показалось, что его поклон был адресован именно моему теперешнему шефу, хотя тот, конечно, стоял не один.

– Вы просто не поверите, как я рад видеть сегодня всех вас...

Мне показалось, что он вновь слегка поклонился именно Лаптеву.

– ...гостями нашей выставки. Потому что этот день для меня вдвойне... знаменателен и важен. Сегодня я приглашаю вас познакомиться с нашими возможностями, с нашим потенциалом, или, если хотите, с нашей потенцией. Смотрите сами – мы можем многое, и если вы будете с нами вместе – вы сможете не меньше. Мы рады протянуть руку любому серьезному партнеру и вместе с ним уверенно и победоносно вступить в двадцать первый век.

Николаев сделал паузу, переждав аплодисменты, треском вспыхнувшей соломой прошепестевшие по всему залу, и продолжал:

– Я не случайно связал в одной фразе двадцать первый век с нашими победами. Хочу сообщить вам еще одну очень важную для меня новость. Сегодня я принял чрезвычайно ответственное для себя решение. Довожу до вашего сведения, и надеюсь, что присутствующие здесь средства массовой информации сообщат об этом всем жителям Арбатова и Арбатовской области, что сегодня начинаю предвыборную кампанию в качестве кандидата на должность губернатора нашей области...

Конец фразы потонул в гуле голосов, волной прокатившемся по залу. Фоторепортеры с удвоенной энергией защелкали аппаратами. Собравшиеся оживились и бестолково задвигались, не в силах устоять на месте. Возбуждение, вызванное новостью, которую сообщил Николаев, требовало разрядки, и он это прекрасно понимал.

– У нас еще будет время, – сказал он, повышая голос и заглушая шум голосов, стоящий в зале, – обсудить и мою предвыборную программу, и все вопросы, связанные с моим будущим губернаторством. Я готов разговаривать с каждым и обсуждать любую проблему. Для нас с вами нет закрытых тем и неудобных вопросов... Однако не будем говорить много. У нас сегодня

праздник, а не совещание, и поэтому предлагаю каждому из вас поднять бокал за мою «Рампу» и мою будущую победу!

В зале появились официанты с подносами, уставленными бокалами с шампанским, и через несколько минут все гости уже пили за Николаева и его будущие победы. Вслед за шампанским появились столики на колесах с напитками покрепче и легкой закуской. Гости начали кучковаться вокруг столиков, голоса повысились, настроение в зале стало приподнятым. Николаев переходил от одной группы гостей к другой, везде становился, естественно, центром, и для каждой из групп находил что-нибудь остроумное, поскольку его передвижение по залу сопровождалось оживлением и взрывами веселья, которое он умел вызывать.

«Пора! – подумала я. – Этот мужчина стоит моего внимания!»

Глава 7

Когда Николаев обошел уже половину зала, я «случайно» оказалась на его пути и, приподняв свой бокал с мартини, спросила:

– Юра! Я могу предложить тост?

Николаев остановил на мне внимательный взгляд, одним движением глаз охватив сразу все, что есть во мне привлекательного. Я имею в виду, для мужчины. Какое-то мгновение мне казалось, что он меня оценивает не как женщину, а как противника, что ли... Впрочем, я тут же об этом забыла, потому что он наклонился ко мне и сказал, понизив голос до интимного воркования:

– Конечно, можете... Но только после того, как мы выпьем за вас.

В знак согласия я послала ему одну из самых обворожительных своих улыбок.

– За женщин пьют всегда, даже когда они этого недостойны... – заметила я.

– Женщина всегда достойна, – настаивал Николаев на своем желании за меня выпить.

– А вы – всегда настойчивы?

– Да, если цель этого заслуживает...

– Цель? Так вы – охотник?

– Скорее – браконьер...

– И не боитесь лесничих?

– Что-то я не заметил сегодня около вас ни одного лесничего...

– И уже готовитесь к выстрелу?

– Первой выстрелили все же вы...

– И попала?

На нас обратили внимание. Я заметила, что заскучавшие было фоторепортеры оживились и вновь защелкали своими аппаратами. Я в этот момент следила за реакцией Николаева, и мне понравилось, что он нисколько не был смущен вниманием фотографов и журналистов к его контакту со мной, женщиной, никому здесь не известной. Вся моя известность в Арбатове ограничена парой самых престижных ресторанов, поскольку по забегаловкам я принципиально никогда не работала.

– Честное слово, – воскликнул с искренней досадой Николаев, – мне так и хочется повторить знаменитую фразу первого почетного гражданина нашего города: «Уберите фотографов!»

– Они мешают течению вашей мысли? Или чему-то еще мешают?

– Да, кое-чему эти фотографы, пожалуй, мешают... Послушайте...

Николаев сделал легкую паузу и вопросительно на меня посмотрел.

– Лена, – подсказала я.

– Послушайте, Лена. Не покинуть ли нам с вами это шумное общество?

Я взглянула на него неопределенно и даже слегка пожала одним плечом. Это, мол, зависит от того, что вы можете предложить взамен...

Я чувствовала, что Николаев уже клюнул. Первую часть задания выполнить оказалось на редкость легко. А я даже особых усилий к этому не прикладываю. Все получается само. Я молода, красива, я активна и легко иду на контакт. И потом – не забывайте про желтое платье и мой профессиональный опыт. Он пригодился мне сегодня как нельзя кстати.

Впрочем, я реалистка. Подумав всего секунду и только едва-едва вздохнув, я добавила существенный штрих. На первое место я поставила возбуждение самого Николаева своим будущим губернаторством. А вздохнула потому, что ко мне это не имело, конечно, никакого отношения. Но я сразу поняла, что мне делать. Ведь я психолог по образованию!.. Ну вот, опять! Опять меня немного занесло...

Ох, как же не люблю я каждый раз все это объяснять! Но раз уж обещала быть честной... Дело в том, что психолог-то я не совсем... доучившийся, скажем так... Просто у меня существует несколько уровней... ну-у... неточности, что ли, которую я могу допустить в разговоре...

Да проще всего объяснить на примере. Если человек обо мне ничего не знает, а я хочу произвести на него впечатление, я называю себя «психологом»...

Но я же делаю это не специально! Получается как-то само собой.

Это первый, самый высокий, уровень неточности. Небольшое уточнение позволяет перейти на следующий уровень, который чуть ближе к реальности – «образование у меня высшее, хотя и незаконченное».

Но и этому верить нельзя, потому что до объективности еще далеко. Еще одно уточнение, и выясняется, что проучилась я в институте психологии чуть больше двух лет, а «незаконченное высшее» – для этого нужно три как минимум... Меня выгнали, конечно, не за успеваемость, с этим у меня вообще проблем не было... Нет, нет, рассказывать эту историю пока не буду, как-нибудь в другой раз...

Да, конечно же, я не психолог, но кое-какие нюансы этой профессии мне известны, и, кроме того, я люблю наблюдать за людьми и для себя объяснять особенности их поведения.

Николаев сильно возбужден... Достаточно перетянуть возбуждение на себя, чтобы оказаться в центре его внимания. Сейчас я была в последнем, хвостовом вагоне психологического «состава» Николаева, а мне нужно обязательно перебраться если уж не на тепловоз, то по крайней мере – в один из первых вагонов.

– Я знаю один маленький ресторанчик, – уже почти шептал мне на ухо Николаев. – Там прекрасная французская кухня, совсем немного народа и можно спокойно танцевать под старые французские шлягеры... Азнавур, Дассен, Адамо, Ив Монтан, «Les feuilles mortes»...

Уверенная в том, что интерес у него вызвала вполне достаточный, я ринулась в атаку, уже мало заботясь о светскости тона. Что делать, когда мужчина клюнул и ты очень хочешь, чтобы он с крючка не сорвался?... Это надо объяснить? Похвалить в мужчине – мужчину... Ему будет приятно.

– Вы любите старых французов? – я постаралась придать своему лицу выражение приятного удивления. – Уж не ровесник ли вы Иву Монтану? А то ведь я намного моложе Мэрилин Монро...

Николаев, смеясь, покачал головой.

– Хорошо, поехали к вашим французам... – уступила я его просьбе. – Но прежде я хочу все же с вами выпить за... Помните мой тост?

– Помилуйте, Леночка! Но вы же его так и не успели сказать!

– Разве? ...В вашей речи там, перед всеми, мне особенно запомнилось одно место...

– Я надеюсь, место это вполне приличное... – влез со своей репликой Николаев.

– Я тоже на это надеюсь... – Я смотрела ему в глаза откровенно, с вызовом. – Я хотела бы выпить за вашу потенцию...

...Собравшаяся на презентацию публика была, наверное, удивлена и, может быть, даже несколько шокирована внезапным исчезновением главного героя праздника. Причем практически все обратили внимание, что ушел он не один, а в обществе молодой и очень эффектной женщины, на которую – я это четко отметила – никто, кроме завязтых ловеласов, вначале не обратил особенного внимания. Думаю, что попытки выяснить, кто я, не дали никакого результата. В этом обществе меня никто не знал и вряд ли видел прежде. А если и видел, то скорее всего не узнал. Но уж наверняка не удивлен и нисколько не шокирован был мой шеф Лаптев, но он, как всегда, молчал и, как я себе представляла, удовлетворенно улыбался. У меня даже мелькнула мысль, что это могло вызвать панику у привыкшей к его вечной мрачности публики.

Не знаю, впрочем, что испытывал Лаптев, когда мы с Николаевым исчезли с презентации, но утром, когда я явилась к нему в кабинет за честно заработанными мною деньгами, он был

явно доволен. Это было видно невооруженным взглядом. Я немного привыкла к его мрачности и уже научилась разбираться в ее оттенках.

А почему бы и не быть ему довольным? Поручение я выполнила. В полном соответствии с его инструкциями. В полночь мы с Николаевым все еще сидели во французском ресторанчике, оказавшемся на редкость уютным и очаровательным местечком. И готовили там превосходно, просто – на редкость. И народу было действительно не много. И танцевать с Николаевым, подчиняясь его сильным и уверенным, но тактичным и отзывчивым на мои желания рукам, было приятно до замирания сердца...

Я тряхнула головой, отгоняя воспоминание... Я тоже была довольна вчерашним вечером. Скажу честно, такие вечера не часто выпадали в моей жизни...

Глава 8

Мрачный Лаптев выдал мне сто пятьдесят долларов. Ясно было видно, что цели своей он достиг. Войдя в кабинет, я краем глаза заметила, что он обложился свежими газетами и что-то в них сосредоточенно изучает. Немного подумав, я решила, что его интересуют отчеты о вчерашней презентации выставки «Рампы», которые, судя по количеству корреспондентов, крутившихся вчера в зале, должны были появиться в добром десятке из полусотни выходящих в Арбатове газет. Но что там могло быть интересного? На мой взгляд – скукотища! Пространные рассуждения редакционных умников по поводу заявления Николаева о вступлении в предвыборную борьбу? Соревнование в остроумии, и больше ничего. Но я обратила внимание, что все эти тексты Лаптев пропускал, не читая. Зато очень долго и подробно изучал фоторепортажи. Почему-то даже с увеличительным стеклом в руке. Смешно, знаете ли, все это выглядело – сидит за огромным столом мрачный такой дядя и в мощную линзу сосредоточенно изучает газетные снимки. Смешно и непонятно.

Когда я вошла, Лаптев своего занятия не прервал, и я сочла это чем-то вроде приглашения к нему присоединиться. Я подошла к столу и тоже рассмотрела фотографии. Правда, мне пришлось довольствоваться их перевернутым вверх ногами видом. На трех фотографиях в разных газетах Николаев был запечатлен во время разговора со мной. На одном из них из-за качества печати я абсолютно не была на себя похожа, зато на двух других мое лицо было выхвачено крупным планом и спутать меня с кем-то было бы невозможно. Но именно мою физиономию он и изучал с помощью своей мощной оптики. От этого мне стало еще смешнее.

– Отличная работа, девочка моя! – мрачно похвалил он меня, отдавая деньги. – Уж ты позволь мне, старику, быть несколько фамильярным с тобой. Но ты действительно меня порадовала. Надеюсь, Николаев не подозревает о моем участии в этой истории?

– Мы же договорились с вами, Андрон Владимирович! – я была очень недовольна подозрениями в том, что я будто бы могла не выполнить условия договора.

– Ладно, ладно, верю на слово, – успокаивающе поднял ладони обеих рук Лаптев. – Тем более если что-то вчера было и не так, это обязательно со временем выплывет наружу...

– Я пока еще не давала повода для таких подозрений! – я продолжала искренне возмущаться. – Я предоставила вам полный отчет о событиях вчерашнего дня. Поручение мною выполнено, причем выполнено точно в соответствии с вашими указаниями...

Лаптева я не обманывала. Хотя отчет мой был далеко не полным. Дело в том, что поручение я не только выполнила, но даже и перевыполнила. Только зачем об этом знать Лаптеву? Общаться с Николаевым мне так вчера понравилось, что я, помню, с каким-то даже страхом ждала, что вот-вот вечер закончится, а вместе с ним кончится и праздник. Юра – по-другому я вчера его уже и не называла – оказался фейерверком остроумия, энергии и оригинальных идей.

Не могла же я вот так вот просто взять и отпустить его от себя. А вдруг мы больше никогда не встретимся?.. Я не хочу сожалеть об упущенных возможностях... Поэтому, когда он вчера после третьей «Вдовы Клико» предложил мне оценить ходовые качества его яхты, я поехала, хотя и понимала, что в час ночи вряд ли мы станем поднимать парус... Скорее – затеем возню в каюте. Но я нисколько не была против... Я даже хотела этого...

Николаев меня не разочаровал. Он полностью соответствовал моим представлениям о настоящем мужчине. Да нет, конечно, я в него не влюбилась! Но он меня интересовал, и я здорово огорчилась бы, узнав, что больше никогда с ним не встречу. Больше всего на свете меня огорчают упущенные шансы.

Лаптеву обо всем этом знать, конечно, незачем. Свое он получил, остальное принадлежало мне. Деловые отношения вовсе не требуют откровенности. Просто мы с Лаптевым одинаково заинтересованы друг в друге. Хотя, в чем именно состоит интерес Лаптева, я, честно

говоря, так и не поняла, несмотря на его довольно путанные объяснения и мои собственные напряженные раздумья над этим предметом. Но если следующие поручения будут представлять собой что-то вроде первого, я согласна работать и работать. Где бы еще в Арбатове я нашла себе такую интересную и творческую работу, скажите на милость? А главное – такую зарплату!

Конечно, он в чем-то темнит...

И если уж подвернется удобный случай, я, конечно, не упущу возможности им воспользоваться и проникнуть, хотя бы слегка, в тайные планы Лаптева. Не первый же день живу я на свете! И очень хорошо знаю, что чужие тайные планы богаты для нас скрытыми возможностями...

Лаптев вовсе не собирался со мною расставаться. Напротив, он уже имел для меня следующее, не менее конфиденциальное, задание.

– Мне нравится, как ты работаешь, девочка, – своим обычным мрачным тоном попытался польстить мне Лаптев. – С блеском, красиво и надежно. Поверь мне – со стороны выглядит именно так. Я вчера за тобою наблюдал. За такую работу не жалко платить в несколько раз больше... Твое старание того стоит. У меня есть к тебе еще одно поручение. И на этот раз ты получишь более высокий гонорар. Хотя, может быть, это поручение покажется тебе даже гораздо более легким, чем первое. Но это уже не твоя забота. Сколько и за что платить – я буду решать сам...

Я пожала плечами. Разве я говорила о деньгах? Я вообще о них ни слова сегодня пока еще не сказала! Нет, я собиралась, конечно, сказать. Мнение свое высказать по поводу ста пятидесяти долларов. Но не сказала же!

Лаптев изложил свое задание. Оно действительно показалось мне более простым, хотя и требовало больше времени. Второе конфиденциальное поручение заключалось в следующем. Нужно было срочно съездить в Москву, разыскать в районе Казанского вокзала в какой-то забегаловке «Пробоина», больше известной в микрорайоне под названием «Дыра», человека по имени Крот и передать ему буквально следующее: «Вилли приглашает Крошку на устрицы». После этого вернуться в Арбатов и получить заслуженное вознаграждение – свои 500 долларов. Дорогу и суточные Лаптев оплачивает отдельно, как в обычной командировке.

«И всего-то?» – чуть не воскликнула я с радостным удивлением... Поручение никак не представлялось мне чрезмерно сложным.

Надо ли говорить, что я согласилась?

Лаптев заставил меня трижды повторить фразу, которую я должна была передать этому самому Кроту, предупредил, что каждое слово в этой фразе имеет свой особенный смысл и исказить ни одно из них категорически нельзя. Я с готовностью повторила. Тоже мне – сложности! Память меня пока не подводила...

Выдав мне сто пятьдесят долларов командировочных, Лаптев вдруг заявил:

– Давай, девочка, не теряй зря времени. Московский поезд отходит всего через полтора часа. Ты как раз на него успеешь...

«Вот старый хрыч! – подумала я. – Опомниться не дает, сообразить – что к чему...»

Я отправилась на вокзал за билетом.

...С водителем «помидоровоза» я постаралась расстаться при первой же возможности. А такая предоставилась еще под Москвой, когда мы пересекали железнодорожную линию. Наш «КамАЗ» застрял на переезде в длинном ряду других машин, и, пока мы стояли, я разглядела вдалеке между деревьями остановочную платформу.

А когда перед замершими на переезде автомашинами промчался электропоезд, я окончательно поняла, что пора сменить средство передвижения. Ни секунды больше не думая, я

подхватила свою сумочку, рванула ручку двери и, спрыгивая на землю, дружелюбно крикнула не ожидавшему от меня такой прыти водителю:

– Ты про меня уже забыл! Иначе тебя закопают в твоих помидорах!

И скрылась между деревьями, за которыми угадывалась платформа. Осмелевший после расставания со мной водитель что-то кричал мне вслед, но я не разобрала ни слова. Да пошел он к черту! Кричит и пусть кричит. Он мне и так надоел смертельно. Насколько же приятней быть одной и не ждать опасности со стороны какого-то идиота, что сидит рядом с тобой!

В одиночестве мне и думалось, и шагалось легко, настроение подскочило до самой верхней отметки. Мне было радостно шагать к остановке электрички, которая отвезет меня в Москву. Радостно, несмотря на то что ехала я в город, в котором у меня не было никаких родственников, как, впрочем, не было их у меня и в других городах России, и где я знала двух-трех человек из всех десяти миллионов жителей. Это были какие-то старые мои подружки, которые скорее всего уже забыли о моем существовании, а если и вспомнят, то не придут от этого в восторг.

Платформа оказалась безлюдной, только какой-то старичок дремал на перевернутом вверх дном ведре в тени расписания электропоездов.

– Следующий на Москву не скоро пойдет? – спросила я у старичка.

Он посмотрел на меня сонным рассеянным взглядом и мотнул головой на расписание, висевшее над ним. Я углубилась в его изучение.

До электрички было минут пятнадцать. Все это время я проторчала на платформе, вышагивая по ней из конца в конец под лучами нежаркого утреннего солнца и наслаждаясь ощущением свободы и открывающихся передо мною перспектив. Правда, какого рода это были перспективы и в чем они заключались, я старалась не думать и даже нарочно отгоняла от себя такие мысли, если они начинали лезть мне в голову. Не хотелось портить себе настроение.

Подошла наконец электричка, мы со старичком сели в нее, двери закрылись, и мне показалось, что все мои проблемы решены. По крайней мере, на ближайший час, пока я буду ехать к Москве.

Народу в вагоне было много, я с трудом отыскала себе место, уселась между двумя тетками дачно-интеллигентного вида, и мне тут же вспомнилась моя недавняя поездка в Москву – по поручению Лаптева...

Глава 9

Я тогда обернулась за один день. Вернее, в Москве была только один день, еще два у меня ушло на дорогу туда и обратно. Но ночевать мне тогда в Москве не пришлось, потому что поезд из Арбата приходит в Москву утром, а обратно идет поздно ночью, уже после полуночи, поэтому о ночлеге у меня голова не болела. Тем более что я была уверена, что успею выполнить поручение Лаптева всего за пару часов, а остальное время буду просто гулять по московским улицам и развлекаться. И такая перспектива меня несколько не огорчала.

Но я угадала только часть программы, а именно – связанную с прогулками по Москве. Мне и в самом деле пришлось немало в тот день попутешествовать. Но если уж вспоминать, то по порядку.

Выйдя из поезда на Павелецком вокзале и добравшись на метро до Казанского, я принялась расспрашивать прохожих, где мне найти кафе «Пробоина». Удивительно, но из ста человек, которым я успела задать этот вопрос, пока мне это не надоело окончательно, девяносто пять оказались приезжими и лишь смущенно улыбались в ответ или просто отмахивались. Пятеро же москвичей посмотрели на меня как на полную дуру и в один голос уверенно заявили, что первый раз слышат такое название.

Я несколько приуныла. Поручение Лаптева уже не казалось мне таким элементарным. Я вернулась на Казанский вокзал, единственный известный мне точно надежный ориентир в моих поисках, уселась на каменный парапет около огромного универмага и закурила, размышляя, где же может находиться эта загадочная «Дыра» и как мне об этом узнать.

Мимо меня то и дело проходили мужчины, то в одну, то в другую сторону, пока меня наконец не заинтересовало столь «однополое» движение. Проследив глазами курс одного из них, я уперлась взглядом в вывеску «Пиво». И едва не хлопнула себя ладонью по лбу. Ну конечно! У мужиков нужно спрашивать! Но спрашивать только у местных, то есть не просто у москвичей, но именно у тех москвичей, которые постоянно бывают в интересующем меня районе. Рядом с Казанским вокзалом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.